

Венди Хиллинг

Моя жизнь в его лапах

Удивительная история Теда —
самой заботливой собаки в мире

Самый верный друг

Венди Хиллинг

**Моя жизнь в его
лапах. Удивительная
история Теда – самой
заботливой собаки в мире**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44

Хиллинг В.

Моя жизнь в его лапах. Удивительная история Теда – самой заботливой собаки в мире / В. Хиллинг — «Эксмо», 2016 — (Самый верный друг)

ISBN 978-5-699-88646-3

«Моя жизнь в его лапах» – это трогательная, добрая и вдохновляющая история о том, на что способна взаимная привязанность человека и собаки. Страдая от тяжелого врожденного заболевания, сделавшего ее кожу настолько хрупкой, что любое воздействие на нее оставляет раны и причиняет боль, так называемого «синдрома бабочки», Венди Хиллинг, несмотря на огромную силу воли и желание быть независимой, постоянно ощущала свою беспомощность. Так было до встречи с Тедом, золотистым ретривером, воспитанным специально для того, чтобы ухаживать за ней. Добрый, нежный и бесконечно преданный пес подарил ей свободу, помог раскрепоститься, стать общительнее, показал, что она может положиться на него во всем, и даже доверить ему свою жизнь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-88646-3

© Хиллинг В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Вступление	7
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Венди Хилдинг

Моя жизнь в его лапах.

Удивительная история Теда – самой заботливой собаки в мире

Wendy Hilling

MY LIFE IN HIS PAWS

The Story of Ted and How He Saved Me

© Wendy Hilling 2016

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

В коллаже на обложке использованы фотографии: Egor Shilov, Pattern image, Stephane Bidouze, Khakimullin Aleksandr, ESB Professional, Olga Prystai, Runrun2, Halfpoint, Picsfive / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации: MaKars, makar, Afishka, Kamieshkova, chronicler, Baobab, Elizaveta Melentyeva, handini_atmodiwiryo, KateMacate, IR Stone, Maria Isnglva, Sketch Master, Tithi Luadthong, Dmitry Natashin, Redshinestudio / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Венди Хилдинг родилась с очень редким генетическим заболеванием – «синдром бабочки». Ее кожа настолько хрупкая, что даже обычное прикосновение причиняет ей мучительную боль. Несмотря на приговор врачей она смогла не только выжить, но и работать, заниматься верховой ездой и даже родить и воспитать двух детей. Она верит, что невозможного не существует, главное – найти правильное решение. Ее спасением стал пес, золотистый ретривер Тед.

Тед помогает Венди во всем. Он стал ей настоящей опорой, вернул независимость и уверенность в себе, неоднократно спасал ей жизнь. История Теда и Венди – это не рассказ о болезни. Это удивительная история о любви, верности и той поразительной привязанности, которая может возникнуть между человеком и животным однажды и на всю жизнь.

«Эта книга не только о бесконечной заботе человека о животных, но и о невероятной чуткости животных к человеку. Это как роман, так и дневник, который читается на одном дыхании».

Саша Даль, музыкант, попечитель благотворительного фонда «Дети-бабочки»

Посвящается всем моим родным и друзьям, и в особенности моей сестре Мэри, которая всегда читала мне «еще одну страничку», когда мы были детьми

Вступление

Я проснулась от того, что не могла ни дышать, ни двигаться. Горло перехватило, позвать на помощь было невозможно. Рядом лежал муж, а в изножье кровати – наш пес, Тед. Оба спали, а я не могла пошевелиться, чтобы их разбудить. Я безумно испугалась. Говорят, что перед смертью вся жизнь пролетает перед глазами, и это действительно так. Теперь я знаю это по собственному опыту. Времени у меня совсем не оставалось.

И тут Тед вскочил. В мгновение ока он подбежал к тревожной кнопке на стене нашей спальни и нажал ее носом. Услышав человеческий голос, Тед залаял, чтобы оператор понял, что он рядом. И оператор его понял: «Привет, Тед! Скажи мамочке и папе, что «Скорая помощь» уже выехала». Тед подбежал к Питеру и стал будить его, вцепившись зубами в подушку и лая. Питер повернул меня на бок, и через какое-то время я снова смогла дышать. Непередаваемое облегчение!

К тому времени, когда приехала «Скорая», я уже дышала нормально и постепенно приходила в себя. Но мы оба были потрясены.

Один из медиков измерил уровень кислорода.

– Хорошо, что ваш муж вызвал нас так быстро, – сказал он. – Хоть он и помог вам задышать, нам нужно проверить, нет ли серьезных осложнений. В таких случаях счет идет на секунды.

– Вас вызвал не муж, – улыбнулась я. – Это была наша собака!

Медики повернулись к Теду. Тот сидел в спальне, пристально глядя на меня, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. Он явно рассчитывал получить заслуженную награду, когда все уйдут. Медики мне не поверили. Но я уже привыкла к тому, что Тед вызывает у всех изумление.

– Вы хотите сказать, что собака только что спасла вам жизнь?

– Да, – кивнула я. – Он постоянно это делает. – Я потянулась и погладила Теда по голове. – Я не смогла бы жить без него. От него зависит моя жизнь.

Тед – красивый, бледно-палевый золотистый ретривер. Ему девять лет. Как все представители своей породы, он очень добродушный и ласковый, но в то же время и большой проказник: он любит играть и резвиться, а еще любит то, что для него вовсе не предназначено. Но Тед – не обычная собака. Он – мой постоянный помощник. Его дрессировали в благотворительной организации «Собаки-партнеры» специально для меня. Дрессировка началась, когда Теду было всего восемнадцать месяцев, а у меня он появился десятидневным щенком. Тед находится со мной двадцать четыре часа в сутки – он помогает мне во всем, и если моей жизни что-то угрожает, пес поднимает тревогу. Он даже получает зарплату от государства за свою службу.

Я родилась «ребенком-бабочкой» – моя кожа настолько тонка, что напоминает крылышко бабочки.

Это редкое генетическое заболевание – рецессивный дистрофический буллезный эпидермолиз (ДБЭ). При такой болезни кожа невероятно истончается, и от любого, даже самого легкого воздействия на ней появляются раны и ссадины. Каждое движение дается с трудом и вызывает боль. Болезнь проявляется не только снаружи, но и внутри – столь же хрупка слизистая оболочка горла и рта. От першения, кашля или плача на ней тоже появляются раны. С возрастом моя гортань резко сузилась, и я могу задохнуться в любую минуту. Мне необходим постоянный уход – и вот уже почти восемь лет этим делом занимается Тед.

Утром Тед приносит мне одежду, которую я готовлю еще с вечера, и помогает одеться. Я иду в ванную, чтобы принять душ. Услышав, что шум воды прекратился, Тед несет мне полотенце с радиатора – если, конечно, не решает поиграть с ним.

– Ну же, Тедди, дай мне полотенце! Я замерзаю!

– *Ну подожди же минутку! Дай мне поиграть!*

А потом я спускаюсь и говорю:

– Ну как, Тедди, готов к прогулке?

– *Даааа!*

Тед приносит мои туфли и свой поводок. Я пристегиваю поводок к ошейнику.

– Спасибо, Тедди, – говорю я. – А теперь подай мне поводок.

И Тедди берет конец поводка в пасть и подносит к моей руке. Если он случайно наступил на поводок лапой, я говорю:

– Поправь, пожалуйста.

И он аккуратно переступает через поводок. Многие смеются над тем, что я говорю собаке «спасибо» и «пожалуйста», но я всегда разговариваю с Тедди очень вежливо – ведь он служит мне. Я всегда относилась к своим животным с огромным уважением.

По моему голосу Тед всегда понимает, куда надо идти.

– Чашечку чая, Тедди? – говорю я, и он ведет меня в ближайшее кафе.

Он точно знает, куда идти, и я могу следовать за ним с закрытыми глазами.

Тед всегда идет справа, чтобы мне было легче держать равновесие – правое бедро у меня в очень плохом состоянии. Тед помогает мне обходить выбоины в асфальте и все, отчего я могу потерять равновесие и упасть. Рядом с ним я чувствую себя в полной безопасности. Я знаю: если со мной что-то случится, он начнет лаять и позовет на помощь.

Невозможно описать, насколько меняется жизнь, когда за тобой присматривает собака. Теперь я даже представить не могу, чтобы мне помогала сиделка – для этого я слишком независима. Я все хочу делать сама. До появления Теда меня повсюду сопровождал мой муж, Питер, и я постоянно ощущала, что он перестает быть моим мужем и становится сиделкой. От этого мы оба чувствовали себя неловко.

Я привыкла к пристальным взглядам вне дома. И я знала, что, глядя на меня, все видят просто женщину-инвалида. Но с Тедди все стало по-другому. Люди доброжелательно и с интересом смотрят, как он мне помогает. Когда мы с ним идем по улице, все внимание окружающих достается Теду, а я горжусь своим другом. Он делает меня смелее и терпеливее. В больнице на процедурах я не думаю о своих страданиях, не плачу и не кричу, потому что вижу перед собой настороженные и преданные глаза своей собаки.

Мы идем в супермаркет, и я показываю, что мне нужно.

– Можешь достать это для меня, Тедди?

– *Что именно?*

Тед осматривает полки, опускает и поднимает голову.

– Нет, не это! Вот это! Вот это!

– *А, это!*

Тед берет то, что мне нужно, и складывает в мою корзину. Когда мы заканчиваем с покупками, я позволяю ему нести последний товар к кассе в зубах – он любит что-нибудь носить. В корзине лежит и моя сумочка. Тед достает ее, ставит лапы на стойку и протягивает кассирше. Она берет деньги из кошелька, кладет в него сдачу и возвращает сумочку Теду, а тот кладет ее назад в корзинку. Уверена, что кассирше это нравится не меньше, чем моему псу. Самое приятное во владении собакой – та радость, которую он доставляет другим людям.

Когда мы возвращаемся домой, Тед расстегивает мою куртку и тянет за рукав, чтобы мне было легче ее снять. Он расстегивает липучки на моих ботинках и стаскивает их с ног. А потом он «раздевается» сам – стягивает фирменный жилет «Собака-партнер» через голову.

Тед сосредоточенно трудится весь день. Но, сняв жилет, он понимает, что можно отдохнуть. У него всегда есть время порезвиться, поиграть и просто побыть обычной собакой. Когда мы с Питером гуляем с Тедом, люди часто говорят: «О, у вас такая спокойная собака!» Мы переглядываемся и улыбаемся – они просто не видели, как Тед играет дома или носится по пляжу.

Тед заваливается на спину, сжимая в зубах пищущую игрушку. Я хватаюсь за игрушку и делаю вид, что хочу ее отобрать – Тед любит «потягушки».

– Отдай, Тедди! Это мое! – хохочу я, а он вцепляется в игрушку еще сильнее.

Но если мне что-то действительно нужно, то достаточно просто сказать:

– В мою руку, Тедди!

И он сразу же отдает. Тед отлично понимает, когда я шучу, а когда я говорю серьезно. Мы уже давно стали одним целым.

Если дома мне бывает что-то нужно, достаточно просто сказать, чтобы Тедди это принес. Когда я что-то роняю, он сразу же это поднимает и кладет в мою ладонь. Из-за много-

численных шрамов руки мои стали менее подвижными, но сколько бы раз я ни роняла вещи, Тед обязательно поднимает. Он не сдается.

Стиральная машина закончила стирку. Услышав щелчок, Тедди бежит к машинке. Если Питер оказывается там первым, Тед просто отталкивает его плечом:

– *Ну подвинься, подвинься же! Я сам все сделаю!*

Он знает, что за это можно получить лакомство. Тед вытаскивает белье из машинки, складывает в корзинку и тащит ее к сушилке, где уже сижу я. Тед подает мне белье и прищепки. Впрочем, иногда мне приходится ждать, потому что ему нравится носиться по саду с прищепкой в зубах.

– Ну же, Тед! – говорю я. – Иди сюда!

– *Я хочу поиграть, мамочка!*

Когда у тебя есть собака, ты на сто процентов ощущаешь себя нужным. Это поразительное чувство. Оно заставляет тебя жить и подниматься по утрам. На протяжении долгих лет все заботились обо мне, а теперь я забочусь о Теде. Он – моя опора.

Тед столько делает для меня! Но самое главное – он дарит мне свою дружбу. Когда мне больно, мы просто обнимаемся или играем.

– *Ну же, мам! Не думай об этом! Давай лучше поиграем!*

Тед не знает, что я – инвалид: он знает, что я – его мама, и я его люблю. Все плохое меркнет, если в конце дня я могу обнять его и зарыться в его шерсть носом. В такие моменты я думаю: «Я со всем справлюсь! Ведь у меня есть ты!»

Когда Тед со мной я не чувствую себя слабой. Я понимаю, что могу сделать все, что угодно – абсолютно все, если он будет рядом.

Перед сном мы даем ему игрушку, и он понимает, что пора спать. Тедди всегда спит рядом с моей постелью. До Теда мы с Питером спали лишь по два часа, потому что кто-то должен был следить за мной во время сна. Это было утомительно для нас обоих. Теперь же я знаю, что Тед сразу почувствует, если у меня остановится дыхание, и нажмет тревожную кнопку. Теперь мы оба спим спокойно, зная, что Тед рядом.

Быть с Тедом так весело! Рядом с ним я чувствую себя воздушным змеем! Трудно быть уверенным в себе, когда ты – инвалид. Люди относятся к тебе по-другому. У меня порой бывали приступы настоящей депрессии и тревоги. Но Тед подарил мне жизнь, о которой я могла только мечтать. Это история о том, как мы нашли друг друга – нас свела судьба, упорный труд и две совершенно особенные собаки-спасатели. Это история любви, надежды и упорства. Это история обо мне и Теде.

Глава 1

Неугомонная душа в хрупком теле

Я родилась с кожей, не приспособленной для жизни в этом мире. Врачи сразу заподозрили неладное – акушерка взяла меня за ручку, и кожа сошла, как перчатка. Вскоре стало ясно, что моя кожа рвется от любого касания. Когда меня брали на руки, пытались накормить или одеть, на моем теле появлялись болезненные раны, которые к тому же быстро инфицировались. Медсестра пыталась повернуть меня в колыбельке, и от ее прикосновений с меня сходила кожа. Это пугало ее до смерти. У меня до сих пор сохранился шрам на боку, повторяющий форму ладони, хотя мне уже за двадцать. Очень скоро мне поставили диагноз – рецессивный дистрофический буллезный эпидермолиз (ДБЭ).

ДБЭ – очень редкое и тяжелое заболевание. Дефектный ген, отвечающий за коллаген VII, не позволяет коже правильно скрепляться с мышцами, поэтому она легко рвется и повреждается. Это происходит и с внутренними слизистыми оболочками. Многие дети с таким заболеванием умирают в младенчестве. Моим родителям сказали, что я проживу не дольше нескольких дней. Меня окрестили, когда мне было три дня.

Чтобы защитить мою кожу, меня уложили в выстеленную ватой колыбельку – таких детей, как я, иногда называют «ватными детьми». Я до сих пор ненавижу ощущение прикосновения ваты – до зубного скрипа.

ДБЭ – заболевание наследственное, но нам этого никто не объяснил. Мама была убеждена, что я подцепила эту болезнь от акушерки, сын которой, по странному совпадению, страдал от той же болезни. Я росла, считая себя заразной. Когда рядом со мной оказывался младенец, я старалась держаться от него подальше. Люди не понимали, почему я веду себя именно так, и считали меня смешной и странной. Мои старшие сестры родились с нормальной кожей, но у младшего брата, который появился на свет, когда мне было уже шестнадцать,

тоже проявилось это заболевание. До сих пор помню день, когда он родился: я была уверена, что он заразился от меня, и терзалась чувством вины.

В детстве я перебиралась из одной больницы в другую. Поскольку ДБЭ – заболевание редкое, меня постоянно демонстрировали на медицинских конференциях как уникальный экспонат. Я это просто ненавидела. Когда мне было около шести лет, меня заставили подняться на сцену перед собравшимися врачами. Доктор, который рассказывал о моей болезни, решил продемонстрировать, как легко повреждается моя кожа. Он начал тереть большой палец моей руки, пока не появилась язва. С тех пор я стала бояться врачей.

Единственным исключением был наш семейный врач, лечивший меня с пяти до семнадцати лет. У него были два эрдельтерьера, которые сидели по обе стороны его стола, как статуэтки. Мне позволяли их гладить – до сих пор помню ощущение мягкой шерсти.

Мама говорила доктору: «Единственное, почему она соглашается приходить к вам, это ваши собаки!» Только к этому врачу я действительно шла с радостью.

Вся моя жизнь поделена на отрезки. Когда я пережила первые несколько дней, родителям сказали, что я умру в три года. Потом нам говорили, что я вряд ли доживу до десяти. Когда я выросла и начала все понимать, мне стало страшно. Я пыталась представить себе, что такое смерть. Десятый день рождения безумно меня пугал. Но я не умерла. Тогда я подумала, что могу умереть в любой день до одиннадцати лет. И весь год я провела в страхе. Я никогда не говорила об этом родителям – понимала, что они и без того страдают из-за того, что я должна умереть.

Удивительно, но в нашем небольшом городе было три ребенка с ДБЭ – когда я рассказываю об этом, мне никто не верит. Один из них, мальчик, умер в полтора года. Я любила приходить на его могилу и разговаривать с ним – сама не знаю почему. Мне было его очень жаль. Пусть он был тяжело болен, но умирать он точно не хотел.

Большую часть первых лет жизни я провела в повязках. Становясь старше, учишься жить с ДБЭ: теперь я двигаюсь очень осторожно и думаю о каждом своем движении. Все спланировано очень точно: если я надеваю пальто, то мне нужно тщательно расправить рукава, чтобы рукам было в них свободно, иначе ткань оставит на моей коже большие ссадины. Если я хочу повернуться в постели, то должна подняться и осторожно лечь снова в другом положении. Каждый вечер мне нужно наносить мазь на глаза, иначе веки приклеятся к глазным яблокам, – а это невыносимо больно. Все следует делать по строгому плану: если в какой-то день я пройду больше, чем следует, то кожа на ступнях будет восстанавливаться несколько дней. Все это требует колоссальной сосредоточенности. Ребенку это просто не по силам. Поэтому в детстве моя кожа постоянно повреждалась, и я вечно ходила в повязках.

Поначалу я училась в обычной начальной школе, но, когда мне было семь лет, один мальчик толкнул меня, а потом наступил на руку. Когда я выдернула ладонь из-под его ноги, кожа сошла чуть ли не до кости. Ту боль я помню и по сей день. Мальчику за это ничего не было, а моим родителям учителя сказали, что нужно перевести меня в другую школу.

Хоть им этого и не хотелось, но пришлось отправить меня в пансион. Доктор предложил в Швейцарию – горный воздух пойдет мне на пользу. Идея мне нравилась: я читала про Хайди и представляла себя в горах, в уютном шале в окружении животных. Мне и сейчас хочется побывать в Швейцарии. Но мама решила, что это слишком далеко, и меня отправили в Бродстейрз, в графстве Кент.

Родители выбрали школу для детей, страдающих астмой и экземой. Я была там единственным ребенком с ДБЭ. Поскольку у большинства детей были проблемы с дыханием, мы много гуляли, а часть уроков проходила на свежем воздухе. Считалось, что морской воздух пойдет нам на пользу. Прогулки были для меня настоящим кошмаром: я постоянно натирала ноги. Дети с астмой порой просыпались по ночам от недостатка воздуха. Я пыталась помочь: садилась позади и массировала грудную клетку. Иногда это продолжалось часами, и наутро мы все поднимались с красными от недосыпа глазами.

Пансион выглядел идеально – большой старинный дом, аккуратно подстриженные кусты, огород, ухоженные газоны, высокие деревья. Но атмосфера там царила очень холодная. Сестры и учителя были строгими и видели в детях лишь пациентов, за которых им платят. В этом доме не было места любви.

В пансионе мне не нравилось, но кто-то сказал, что родители отослали меня сюда, потому что не хотели возиться со мной – им надоело менять мне повязки. В детстве я не знала, что взрослые не всегда говорят правду, поэтому я всему верила. Я считала, что раз я не нужна собственным родителям, то должна вести себя смирно. Поэтому я старалась не жаловаться. Я приезжала в начале семестра, спускалась в подвал, вешала пальто на крючок, ставила ботинки на полку и рыдала, пока слезы не иссякали. Но потом я поднималась и шла учиться. Очень рано поняла, что только сама могу сделать себя счастливой и стать хозяйкой собственной жизни. А если ведешь себя, как счастливый человек, то скоро становишься по-настоящему счастливой.

Я страшно скучала по родителям. Они звонили мне каждое воскресенье в шесть вечера, и я каждый раз говорила им, что у меня все хорошо. А потом я ложилась в постель и разговаривала с игрушечной пандой. Я представляла, что эта игрушка – мои папа и мама, и рассказывала ей все, что у меня на душе. Мама писала мне каждый день, а папа – два раза в неделю. Они присылали конфеты, чтобы я угощала остальных детей. Я очень этому радовалась: немногие девочки получали письма, а уж о посылках оставалось только мечтать. Каждый день после обеда, в любую погоду, мы укладывались спать на свежем воздухе. Единственное исключение составляли дождливые дни. После дневного сна мы угощались конфетами из моих посылок, и пока мы их ели, дежурный читал вслух письмо моих родителей. Я не видела ничего особенного в том, чтобы делиться конфетами и письмами. Мне нравилось то, что девочки знают моих родных так же, как и я сама.

Мама была очень занята – она работала каждый день. И все же у нее всегда находилось время написать мне. Папа обычно отпускал своего молодого коллегу Пипа с работы пораньше, чтобы он зашел на почту за моими письмами. Мама и папа приезжали ко мне в каждый родительский день. Погода обычно бывала хорошей, и папа называл эти дни Солнечными родительскими днями Венди.

В один из таких дней, когда мне было девять лет, мама привела меня в кондитерскую. Я выбрала два шоколадных батончика и принесла их на кассу. Я протянула деньги, и тут кассир начал кричать на маму: «Вы не должны были ей позволять! Ребенка с такими руками нельзя выпускать на улицу!» Руки у меня были перевязаны, но под повязками была заметна поврежденная кожа. После этого случая я десять лет не выходила из дома без перчаток. Мне была невыносима мысль о том, что вновь придется перенести такое унижение.

Но больше всего меня мучило то, что в пансионе не было животных. Ведь я их просто обожала. У родителей был щенок лабрадора, Сэмми. Они завели его как раз накануне моего отъезда. Сэмми был спокойной, ласковой собакой, и я его так любила! Когда с ним гуляли родители, он часто срывался с поводка. Но когда с ним гуляла я, он был так счастлив, что спокойно шел рядом. Мы вместе заходили в магазин, чтобы купить ему корм, но нести банку я не могла, и Сэмми тащил ее в зубах сам. Он был моим лучшим другом.

Приезжая домой из пансиона, я целыми днями пропадала вместе с Сэмми на причале возле нашего дома. Рядом с ним я чувствовала себя в безопасности. Я хохотала, глядя, как он катается в грязи и шлепает лапами по воде. Еще он любил наблюдать за маленькими рыбками – они его буквально зачаровывали.

Думаю, животные привлекали меня своей хрупкостью – этим они были похожи на меня. Найдя существо, нуждающееся в спасении, я подбирала его и приносила в школу.

И неважно – была ли это улитка, жаба или насекомое. Однажды я нашла в кустарнике детеныша летучей мыши. Мне так хотелось помочь ему, что я подобрала его и положила в карман фартука. О летучих мышах я знала только то, что они любят селиться во влажных местах. Дождавшись, когда стемнеет и все уснут, я отнесла летучего мышонка в ванну, налила немного воды и посадила туда. Утром я проснулась от дикого вопля. Дежурная учительница кричала:

– Венди, ты где? Что это за существо в ванной?

Она отлично знала, что из шестидесяти девочек такое могла сделать только я. Все остальные не испытывали особой любви к животным.

По воскресеньям мы ходили в церковь через деревню. И каждый раз проходили мимо кирпичной стены с большой дырой в нижней части. Обычно я плелась в самом хвосте, потому что боялась сделать следующий шаг и повредить кожу. На сей раз я остановилась, опустилась на колени и заглянула в дыру. Я увидела в стойле симпатичного серого пони.

После этого я каждое воскресенье опускалась на четвереньки и смотрела на пони, и каждое воскресенье мне попадало за грязное платье. Уж не знаю, чем очаровала меня эта лошадка. Может быть, тем, что она была одинока, как и я.

Я решила непременно встретиться с лошадкой по ту сторону стены. Наверное, втайне я надеялась, что мне удастся вывести ее из стойла и ускакать на ней из пансиона. Я дважды пыталась сбежать и посмотреть на лошадку, но оба раза меня ловили. В третий раз я взяла с собой двух подружек, одну из них звали, как и меня, Венди, вторую – Мэри. Мы успели лишь выйти за ворота, как появилась машина директрисы и осветила нас фарами. Девочек отправили в постель, а меня директриса привела в свой кабинет.

– Так нельзя, Венди, – сказала она. – Если тебе здесь так плохо, я приглашу твоих родителей приехать пораньше. Может быть, это тебе поможет.

– Простите, – пробормотала я. – Но чем поможет?

– Может быть, ты станешь меньше скучать по дому? Ты же поэтому убегаешь, разве нет? Чтобы увидеть родителей?

– Нет! – воскликнула я. – Я просто хочу посмотреть на лошадку в деревне!

Я была спокойным, тихим ребенком. Чаще всего я послушно делала то, что мне говорили, или просто сидела, сложив руки. Но порой мне хотелось пошалить, и папа всегда меня в этом поддерживал. Однажды он прислал мне посылку с куклой. Я не поняла, зачем он это сделал – я никогда не увлекалась куклами, и папа об этом отлично знал. Ноги у куклы были прикреплены эластичной лентой. И когда я за нее потянула, ноги оторвались. Внутри куклы оказался фонарик. Нас укладывали спать в семь часов – и зимой, и летом. И до семи утра нам не разрешалось разговаривать. Папа знал, что для меня это очень долго. Поэтому он прислал мне фонарик, чтобы я могла читать под одеялом. В родительский день папа спросил, как быстро я обнаружила фонарик, и мы весело хохотали.

У меня всегда было живое воображение, и придумать очередную проделку не составляло труда. Однажды меня посетила гениальная идея: устроить ночной праздник. Что может быть лучше? Я уговорила девочек из своей спальни оставить сэндвичи, которые нам давали на полдник, на ночь. Мы носили фартуки с большими карманами, так что вынести еду из столовой было очень легко.

Мы спрятали сэндвичи в тумбочках и весь вечер возбужденно рассказывали друг другу страшные истории. Но полуночи мы так и не дождались – слишком уж устали. Все заснули и проснулись только утром. В ужасе мы попытались скрыть следы нашего преступления, спустив сэндвичи в туалет. Но это заняло много времени, и все мы опоздали на завтрак.

Мое хрупкое тело не могло ужиться с неутомимой душой. Мне было трудно смириться с тем, что я не могу резвиться с другими детьми. Я пыталась играть в теннис, но ракетка оставляла огромные черные ссадины на ладонях. Хоккей напрочь исключался – впрочем, я не очень этому огорчалась, так как видела, насколько велики и тяжелы были клюшки. Но скучать без дела мне не нравилось. Я и сейчас этого не люблю. Когда другие дети отправлялись играть, мне приходилось сидеть в одиночестве и пить теплое молоко – до сих пор не выношу этого вкуса. Меня тошнит от одного воспоминания о нем.

Присоединиться к подружкам я могла только на танцах. Ноги страшно болели, но это стоило того. Моя мама преподавала балльные танцы, и я очень любила смотреть, как она кружится по танцполу в красивом платье, расшитом блестками. Ее партнер держал собаку, и обычно я наблюдала за уроками, сидя рядом с ней. Я мечтала когда-нибудь тоже научиться так танцевать. Когда все ученики расходились, мамин партнер включал музыку, ставил мои ноги на свои и кружился со мной по залу. Это было чудесно. Я чувствовала себя настоящей принцессой.

В школе нас обучали танцам по системе Маргарет Моррис, где приветствуется свобода движений. Если бы кожа на моих ступнях была крепче, я бы обязательно стала балериной. Сегодня я смотрю, как танцует моя сестра Мэри, и вспоминаю те далекие годы.

Однажды солнечным днем мы занимались танцами в общем зале. Огромные окна были распахнуты. И тут произошло нечто неожиданное: в окно вскочил мой пес, Сэмми. Сначала он никому не позволял себя гладить и ласкался только ко мне, но потом все же разрешил. День был не родительский, и я не знала, что родители приедут.

Я обняла Сэмми, уткнулась носом в его шерсть и заплакала от счастья.

Этот день я запомнила на всю жизнь.

Мне всегда хотелось делать больше, чем мне разрешалось. Если мне удавалось сделать то, о чем я всегда мечтала, то боль меня не пугала. Тетя однажды дала мне подержать маленького кролика. Он спрыгнул с моих рук, содрал кожу с ладоней. Все перепугались, но я была так счастлива, что мне удалось подержать зверька. Тогда я поняла, что другие люди

бояться причинить мне боль сильнее, чем я сама. Если я чего-то хотела, то просто оценивала, стоит ли задуманное того. И, принимая подобное решение, становилась гораздо счастливее.

Однажды, когда мне было восемь, мы отправились на пляж. Какой-то человек сказал, что готов заплатить за всех нас, чтобы мы могли прокатиться на осликах. Я поверить не могла, что моя мечта осуществится! Это было почти так же здорово, как кататься на моем пони.

– На ослике могут прокатиться все, кроме нее, – сказала учительница. – Она больна, и ей будет больно.

Я была просто раздавлена! Я со слезами умоляла позволить мне прокатиться!

– Нет, Венди, тебе нельзя, – учительница была непреклонна. – Ты повредишь кожу на ногах.

– Все будет хорошо! У меня крепкая кожа! Обещаю! Ну пожалуйста, пожалуйста, дайте мне прокатиться!

Учительница с сомнением смотрела на меня, а я уже по-настоящему рыдала.

– Похоже, своими запретами вы вредите ей куда сильнее, – заметил тот человек.

Учительница вздохнула.

– Ну ладно, что с тобой сделаешь...

Конечно, я повредила кожу. Седло содрало кожу с внутренней стороны бедер, но я не произнесла ни слова. Когда мы возвращались домой, ноги у меня горели. Вечером мне пришлось отправиться к медсестре, чтобы перевязать их. Я боялась, что она будет ругаться, но она лишь улыбнулась и сказала:

– Надеюсь, ослик стоил того!

Стоил!

Когда мне было около тринадцати, родители, приехавшие в родительский день, забрали меня из школы. Мы отправились в красивый парк в Херн-Бэй. Долго ходить я не могла, поэтому я уселась рядом с Сэмми и гладила его, пока родители гуляли. Я шептала песику, как мне не нравится расставаться с ним, как я хочу жить дома. Но мне придется остаться в школе, потому что я не нужна моим родителям.

И тут я почувствовала отцовские объятия и услышала мамин плач. Оказывается, родители тихо подошли и слышали, что я говорю Сэмми.

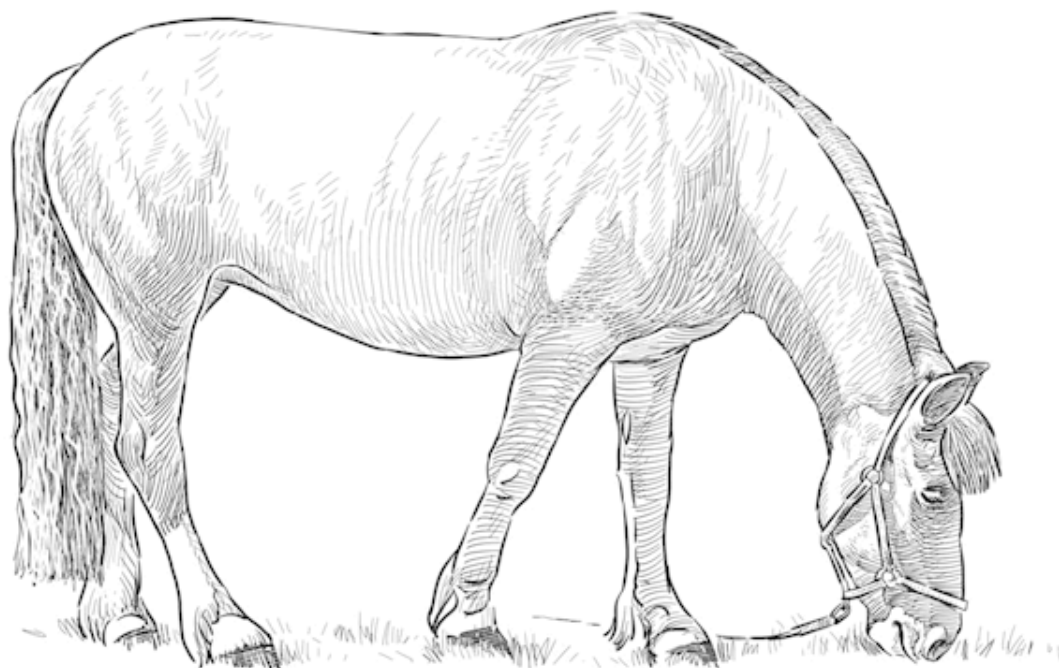
– Конечно же, мы любим тебя! – сказала мама. – Мы думали, что тебе хорошо в пансионе! Дома ты бываешь грустной и всегда с радостью возвращаешься назад после каникул.

– Но раз так, ты отправляешься домой с нами, – решительно произнес папа.

В конце концов мы решили, что я доучусь до конца семестра, потому что, если я внезапно уеду, это будет несправедливо по отношению к другим девочкам. Это был самый длинный семестр в моей жизни. Мне всегда было невыносимо больно думать о том, что я не нужна своим родителям, и я страшно боялась, что мои опасения подтвердятся.

Глава 2

Любовь к животным

Никогда не забуду тот день, когда я впервые увидела золотистого ретривера. Мне было семь лет. Мы, как всегда, в воскресенье отправились к бабушке. После обеда папа задремал на диване, а мы с моей сестрой Мэри занялись каким-то рукоделием. И тут открылась дверь гостиной, и в комнату ворвались четыре светлошерстных пса. Мне показалось, что в комнате засияло солнце.

Они были прекрасны! Четыре золотистых ретривера носились по комнате, их блестящая шерсть вздымалась и опадала. Я испытала настоящий восторг. И тут я услышала голос моей тети Гвен:

– Простите, я не знала, что здесь Венди!

Дверь захлопнулась, и великолепные золотистые собаки исчезли.

Тетя Гвен занималась разведением золотистых ретриверов. Она держала четырех сук и одного кобеля, а щенков продавала. Тетя несколько раз навещала бабушку, когда я гостила у нее, но никогда не подпускала собак ко мне. Однажды я упросила ее позволить мне погладить собаку. До сих пор помню ощущение мягкой, шелковистой шерсти под моими пальцами. Это было волшебство.

Естественно, я сразу же влюбилась в этих существ. Позже тетя Гвен спросила, не хочу ли я поехать с ней на выставку собак. В мире не было ничего, о чем я мечтала бы больше. Я стала ездить на выставки с тетей и ее мужем, дядей Фредом. Они были единственными людьми, которые относились ко мне как к человеку с нормальной кожей. Мне очень нравилось бывать у них. Дядя Фред был художником-декоратором. Как-то раз он позволил мне вместе с ним покрасить оконную раму. А потом тетя Гвен сказала мне, что я оказалась единственным человеком, кому Фред доверил кисть в своем доме.

Собаки никогда меня не обижали: они были активными, но очень нежными. Когда у них появлялись щенки, мы вместе с сыном Гвен, Майклом, гуляли с ними. Я шла в окружении целой кучи щенков – вот оно, счастье! Ходить мне было больно, но я этого даже не замечала.

Я помогала ухаживать за взрослыми собаками и ездила с ними на выставки. Я всегда обожала возиться с этими очаровательными созданиями – и они меня знали и любили. На выставках мы с тетей Гвен менялись возле наших собак, и у меня была возможность походить и оглядеться. Впрочем, меня это мало заботило – я готова была проводить с ее собаками все свое время. Мы с ними так любили друг друга, что, когда они были на ринге, мне приходилось прятаться, так как, завидев меня, они тут же бросались ко мне, забывая обо всем на свете. А на выставках собакам нужно вести себя подобающе. Но издалека я все же подсматривала, как мои питомцы торжественно ходят по рингу, помахивая хвостами.

Когда мне было пятнадцать, мы с тетей повезли нашу собаку Кэмроуз Гей Дилайт оф Слейдхэм на выставку «Крафтс» в Лондон. Это был чудесный день. Все время, когда Гей была не на ринге, я провела вместе с ней. Без преувеличения, собаки тети Гвен безумно любили выставки. Завидев сумку, с которой тетя обычно ездила на такие мероприятия, они буквально с ума сходили. Думаю, золотистые ретриверы вообще любят демонстрировать себя. Им нравится внимание.

А мне нравилось видеть, как они счастливы. Это было чистое, настоящее счастье – они буквально излучали его.

Я никогда в жизни не видела несчастного золотистого ретривера. Эти собаки обладают уникальным характером – им всегда хочется нравиться. А их цвет... сверкающее золото... Я влюбилась в них с первого взгляда и навсегда.

После пансиона я отправилась в обычную среднюю школу. Мне было около четырнадцати. Все другие девочки уже несколько лет учились в этой школе. Я по-прежнему ходила вся в повязках – наверное, я была похожа на мумию. Подружилась я только с одной девочкой, Роуз. Она поняла мое состояние и оберегала меня. На лестнице она всегда шла позади, чтобы никто не толкнул меня и не ударил портфелем. Нам было хорошо вместе. Это была настоящая дружба, и она продолжалась много лет.

А вне школы жизнь моя была прекрасна. Хотя я безумно любила золотистых ретриверов, но это не мешало мне так же страстно любить лошадей. Я мечтала иметь собственную лошадку. В деревне продавали коня. Его звали Валентино. Он был черным, с белым пятном в форме сердца на лбу. Я его просто обожала и каждый день бегала на него посмотреть. Когда мама купила велосипед для Мэри, я решила попросить ее купить мне Валентино.

– Нет, Венди, – ответила мама. – Лошадей нужно кормить, велосипеды – нет.

«Ну и ладно, – подумала я. – Тогда буду экономить на себе».

Я взяла большую коробку, прорезала в крышке отверстие и приклеила крышку к коробке. Так у меня появилась копилка, куда я складывала деньги на пони. А пока что мне нужно было научиться ездить верхом.

Я пошла в местную школу верховой езды, не сказав никому, что у меня ДБЭ. В конюшнях была очень спокойная лошадка, Робин. Учиться ездить на ней для меня было наиболее безопасно. Я по-прежнему постоянно носила перчатки, и никто не знал, что с моими руками.

Я жила только ради этих занятий. Карманных денег у меня было два шиллинга и шесть пенсов, а уроки стоили вдвое дороже. Я могла заниматься раз в две недели, но этого было

недостаточно. Поэтому я стала каждые выходные работать в конюшнях, чистить лошадей и убираться в стойлах, чтобы заработать денег.

Однажды я пришла на урок, и единственной свободной лошадью оказалась сильная, мощная кобыла Блэк Мэджик. Пропустить занятие я не могла – перенести его было невозможно. Если я не сяду на лошадь, значит, придется ждать целую неделю. Мысль об этом была невыносима. Мне не нужны были поблажки, поэтому я решила, что сяду на эту лошадь.

Мы выехали на дорогу, и тут я поняла, что не могу управлять ею. Блэк Мэджик была очень сильна, и руки у меня горели от боли. Когда мы подъехали к полю, меня охватила паника. Я знала, что мне не остановить лошадь. И я сделала единственное, что мне оставалось: свернула с маршрута и вернулась в конюшню.

Там я поставила Блэк Мэджик в стойло, вычистила его и задумалась, что же делать дальше. В школу я приехала на велосипеде, но теперь не знала, как вернуться домой – руки мои кровоточили даже сквозь перчатки.

Вошел инструктор. Он был в ярости из-за того, что я вернулась одна, и сделал мне выговор: если я не буду выполнять то, что мне говорят, то могу больше не заниматься. Я не знала, что ответить. Нужно было просто развернуться и пойти домой, но мне было не по себе от того, что обо мне могут плохо подумать. Я сняла перчатки и показала ему, почему я вернулась в конюшню. Ладони покрылись черными язвами. Инструктор был в ужасе.

– Как же ты едешь, если это настолько больно? – поразился он.

– Вот так и езжу, – ответила я. – Я не могу скакать, не причиняя себе боли. Но не заниматься верховой ездой я тоже не могу.

– Почему же ты не сказала?

– Я не хотела, чтобы вы относились ко мне как-то особенно.

Я просила инструктора пообещать, что он никому не скажет о моей болезни. Приехал папа и забрал меня домой вместе с велосипедом. Он не стал меня ругать, сказал только:

– Ты должна понять, что можешь делать, а чего нет. Ты очень смелая, даже смелее, чем сама думаешь. Но тебе нужно быть осторожной.

Любовь к лошадям была у меня в крови. И ради них я была готова терпеть любую боль.

Мне уже исполнилось шестнадцать. Приближались выпускные экзамены. Неожиданно для всех в средней школе я училась довольно хорошо, хотя в пансионе учебе уделяли мало-мало внимания – там главным было наше здоровье, а не образование. Моя сестра Мэри уже уехала в колледж, и мама сказала:

– Если сдашь экзамены, сможешь поехать в колледж, как и Мэри.

«Вот черт!» – подумала я. Меньше всего мне хотелось учиться в колледже. Мысль о том, что снова придется покинуть дом, была для меня невыносима. Я хотела просто окончить школу и начать работать, чтобы собрать деньги на моего пони. И я решила провалить экзамены.

Первым экзаменом была английская литература. Я отказалась что-либо писать: положила ручку и сидела перед пустым листом. Директор школы вызвал меня к себе и спросил, что это я делаю.

– Я не хочу учиться в колледже, – ответила я. – Я семь лет провела в пансионе и сыта общежитием по горло. Я хочу начать жить самостоятельно. Я хочу работать и хочу собственного пони.

Директор вздохнул.

– Что ж, я не могу тебя в этом упрекнуть.

Все были уверены в том, что я никогда не смогу работать. Врач говорил, что раны будут воспаляться и мне часто придется брать отгулы для посещения больниц. Но к этому времени я уже знала, что не следует слепо верить, когда мне говорят, что я чего-то не смогу. Ведь если бы все, что говорили врачи, было правдой, то я уже давно должна была умереть.

И я хотела своего пони. Поэтому мне нужно было работать.

В одной компании требовались телефонистки, и я подала заявление, не сказав маме. Я получила работу и отправилась туда. Сейчас я понимаю, что нашла худшую работу из всех возможных, потому что во время рабочего дня нужно было носить наушники. В то время пластиковые наушники были очень тяжелыми и натирали кожу на ушах. Я пыталась нанести на них пену, но это не помогло.

Боль была ужасной, но я думала только о пони. Это стало моей навязчивой идеей. Другие девушки тратили зарплату на одежду и косметику, я же откладывала каждый пенни.

Через полгода я увидела объявление о продаже уэльского пони.

Лошадка стоила сорок восемь гиней, а у меня было всего сорок восемь фунтов. Я попросила маму одолжить мне недостающую сумму. Мама согласилась. Но когда я его привезла и мама увидела, насколько он энергичный, она встревожилась и запретила мне ездить верхом. Она даже записала меня к лондонскому дерматологу, чтобы тот подтвердил, что верховая езда не для меня.

К врачу в Лондон мы отправились все вместе – я, родители и мой младший брат, который тогда был еще младенцем. И все вместе мы пошли в лондонский зоопарк. Папа захватил для меня коляску, но я категорически отказалась ездить на ней – я была слишком упряма. Я обошла весь зоопарк, хотя ступни у меня страшно разболелись и начали кровоточить. Мама должна была понять, что я вряд ли прислушаюсь к мнению врача.

Но доктор удивил всех нас. Мама рассказала, что я купила уэльского пони, а она не хочет, чтобы я ездила верхом.

– Пусть попробует, – сказал врач. – Это лучше, чем кутать ее в вату. Если у нее не получится, она сама бросит верховую езду.

Да, этот доктор плохо меня знал! Мама посмотрела на него с сомнением.

– Многие из тех, кто страдает ДБЭ, прикованы к инвалидному креслу, – сказал врач. – Они и мечтать не могут о верховой езде и о том, к чему стремится Венди. Это хорошо, что она хочет попробовать. Если ей хочется, пусть пробует.

Вспоминая тот разговор, я думаю, что доктор понимал: главная причина моего упрямства – желание сделать то, чего, по мнению других, я сделать не могу и не должна. Я не хотела, чтобы болезнь лишила меня радости жизни. Мне нужно было научиться справляться с болью и продолжать жить, не сдаваясь ей. Мне казалось, что за мной крадется какое-то чудовище, и, если я остановлюсь, оно меня поймает.

Я не изменилась, я и сегодня такая же упрямая. Когда мне говорят, что я чего-то не могу, то мне еще больше хочется это сделать.

Своего пони я назвала Фриски. Когда я его покупала, мне сказали, что ему четыре года, но позже я обнаружила, что ему всего два. Он был серый в яблоках, с белой гривой и хвостом. Мама сказала, что он похож на маленькую цирковую лошадку. Я его объездила, хотя для этого пришлось стремена и седло обшить овчиной. Я отправлялась на велосипеде за несколько миль, чтобы увидеть свою лошадку. И мне было все равно – светит ли солнце или льет дождь. Я жила ради верховой езды и думала только о лошадях.

Когда у тебя такая болезнь, трудно сохранить веру в себя. Люди относятся к тебе по-особенному. Иногда они начинают общаться так, словно ты не способен что-либо понимать. Кто-то не хочет видеть твою кожу. Я на всю жизнь запомнила того мужчину из кондитерской. Только рядом с животными я чувствовала себя нормально. Словно имея право находиться рядом с ними. Многие боятся лошадей, но я умела ездить на них верхом. И только с лошадьми я могла по-настоящему быть самой собой.

Со временем мне пришлось продать Фриски. Я уже была слишком высокой, чтобы ездить на нем – хорошо еще вес у меня всегда был небольшой! Фриски победил на ежегодной выставке. Увидела я его снова лишь спустя пятнадцать лет. Он полностью окрасился в белый цвет. Покупая лошадку, я не знала, что с возрастом лошади этой породы становятся белыми. Через пятнадцать лет он стал таким упитанным, пухлым пельменем. Вряд ли он вспомнил меня, но я часто виделась с ним и его новыми хозяевами.

У меня было несколько спасенных лошадей. Я брала их, выхаживала и продавала тем, кому могла доверять. Так я узнала о Джеке. Хозяин решил его продать, потому что не сумел с ним справиться. Он был слишком раздражителен и нетерпелив.

Когда я увидела Джека, то сразу поняла, что имел в виду хозяин. Джек был... мягко говоря, энергичным. Сначала он не позволял мне оседлать себя. Да я вообще не могла заставить его сделать хоть что-то.

– Ну же, давай, выйди из конюшни, – говорила я, а Джек упирался.

Со временем я поняла, что нельзя вставать перед ним и тянуть за повод. Когда я стояла сбоку и осторожно выводила его, он шел вместе со мной. Джек не терпел, когда его к чему-то принуждали.

Я научилась мириться с его буйным нравом. А нрав действительно был непростой! Однажды Джек вместе со мной понесся прямо через шоссе, расположенное рядом с нашим полем. Была суббота, и по дороге сновали грузовики, доставлявшие продукты на рынок. Я думала, что Джек хочет меня убить. Когда я пыталась развернуть его, он лишь прибавлял скорости и несся в противоположную сторону. На поворотах он припадал к земле, как это делают мотоциклисты. Это было ужасно.

Папа дал мне совет:

– Когда его несет, пришпорь его и посмотри, что выйдет.

Когда это произошло в следующий раз, я последовала папиному совету, и это сработало. Джек несся сломя голову, потому что знал, что ему это запрещено. Стоило мне раскусить его блеф, как он тут же успокоился.

Джек жил у меня уже около полутора лет, и вдруг у нас из конюшен украли всю сбрую. Деньги на новое седло мне пришлось собирать полгода, и все это время я ездила без седла. Держаться на лошади было трудно, но я превратилась в настоящую всадницу. Без седла лучше чувствуешь коня и понимаешь, что он думает. То же самое теперь происходит с Тедом: когда он прислоняется ко мне, я точно знаю, что он собирается сделать. Сегодня я понимаю, что езда без седла была не самой лучшей идеей, но это было единственное занятие, которое делало меня счастливой.

Джек был настоящим кошмаром – но я любила его за это. Мне нравился его независимый дух. Он был упрямым и всегда все делал по-своему – точно, как я.

Но в глубине души он был очень преданным. Гораздо позже за те же качества я любила Теда.

Глава 3

Ошибка, которая чуть было не стоила мне жизни

В мае 1970 года мне исполнился двадцать один год. Я была счастлива. Теперь я работала в министерстве транспорта, в центре планирования. Мы по-прежнему дружили с Роуз – всюду ходили вместе. Она приезжала на мои верховые прогулки и ехала на велосипеде рядом с Джеком. Мы вместе ходили на танцы и записались в церковный хор в ее городке.

Постепенно я становилась более уверенной: у меня появился бойфренд, и он уговорил меня ходить без перчаток. Позже мы расстались – ему предложили работу в Новой Зеландии. Перед отъездом он пришел ко мне и спросил, хочу ли я эмигрировать вместе с ним. Но я сказала, что Джек без меня пропадет. Он ответил, что лошадь для меня дороже, чем он. Я не знала, что возразить. Я не сказала, что он ошибается, он разозлился, выбежал из дома, и все было кончено. Но этот юноша придал мне уверенности. Я наконец-то научилась выходить на улицу без перчаток и перестала стесняться собственных рук.

Роуз вышла замуж и переехала в Шропшир – ее муж, Малькольм, учился в сельскохозяйственном колледже. Я приезжала к ним со своим новым бойфрендом. Однажды, когда мужчины отправились на прогулку, мы с Роуз занялись обедом. Мы решили приготовить карри. Я должна была добавить в жаркое специи, но ошиблась с рецептом – положила в

кастрюлю столовую ложку порошка карри, а нужно было всего лишь чайную. Эта ошибка чуть было не стоила мне жизни.

Сели обедать. Мы впервые готовили вместе с Роуз, и все шутили, что мы собрались всех отравить.

– Ладно, раз вы так считаете, я попробую карри первой, – предложила я и положила ложку жаркого в рот.

Жгучее карри сожгло слизистую во рту. Малькольм взял маленький кусочек и тут же потянулся за стаканом. Я видела, что он запивает наше карри, но было уже слишком поздно. Мне было стыдно выплюнуть, и я проглотила. Рот и горло горели огнем, и я начала задыхаться. Роуз позвонила в службу спасения «999».

Для большинства людей служба «999» – это настоящее спасение. Все знают, что им помогут. Для людей с ДБЭ звонок «999» – это лишь начало проблем. Мало кто из медиков знаком с нашей болезнью, и поэтому многие приносят больше вреда, чем пользы. Обычные процедуры могут нас убить. Стоит взяться за мою руку или снять с меня одежду, и кожа будет повреждена. Любой пластырь – это настоящая катастрофа. Я знаю о своей болезни больше любого врача, но когда я говорю докторам, что чего-то делать нельзя, меня редко слушают.

Когда в 1970 году меня привезли в больницу, врачи решили сделать трахеотомию. Я была в ужасе: я находилась вдали от дома, и родители не знали, что я в серьезной опасности. Мне сделали обезболивание, но когда меня уже везли в операционную, огромный ожог в горле прорвался. Боль была невыносимой. Операцию отменили. Мне повезло – позже специалисты говорили, что трахеотомия для человека с таким заболеванием крайне опасна. Я могла умереть.

Когда ожог прорвался, в горле образовались складки кожи, и это породило серьезнейшие проблемы. Я почти потеряла возможность глотать. Было больно даже пить. Не имея возможности есть, я сильно похудела, и мне пришлось провести в больнице несколько месяцев.

Мне поставили диагноз «анорексия». Врачи думали, что я не хочу есть, но я просто не могла. До сих пор помню, как врач поставил у моей постели поднос с тарелкой, на которой лежала жареная рыба с картошкой.

– Я никогда от тебя не отстану, – сказал он.

Как-то вечером ко мне в больницу пришла мама. Мы говорили о моем детстве. Я видела, что мама очень расстроена. Замолчав на полуслове, она встала и вышла из комнаты. Я не понимала, почему она меня бросила, а мама решила, что я умираю. Когда я заговорила о детстве, она подумала, что вся жизнь пролетает перед моими глазами. И тогда она вспомнила первого лондонского врача, который сказал, что мне можно заниматься верховой ездой. Он хотя бы понимал, что со мной происходит. На следующее утро на «Скорой помощи» меня перевезли в другую больницу, в Лондоне.

В лондонской больнице меня перевели на внутривенное питание и сделали рентген пищевода с барием. Для этого мне нужно было проглотить бариевую взвесь. Удалось мне это с большим трудом, но, в конце концов, врачи увидели две складки кожи, которые перекрывали мне горло. Помню, что врач привел студентов, чтобы они посмотрели на меня и на мои снимки.

– Запомните на всю жизнь, – сказал доктор. – Когда человек с ДБЭ говорит, что у него что-то в горле, это означает, что у него *действительно* что-то в горле.

На следующий день мне сделали операцию, чтобы расширить пищевод. Это было самое тяжелое событие моей жизни. Я знала, что сделать это необходимо. Мне был двадцать один год, а просвет пищевода соответствовал пятилетнему возрасту. Я почти умирала. Все это было ужасно.

Мне сказали, что операцию будет делать опытный хирург, который уже делал нечто подобное. Но в последнюю минуту его куда-то вызвали. Больница пригласила другого врача, но он отказался. Он пришел меня осмотреть и сказал:

– Меня просили сделать вам операцию, но решиться на такое можно только под дулом пистолета или будучи мертвецки пьяным. Простите, но я не могу рисковать вашей жизнью.

В конце концов, они нашли хирурга. Помню, как пела, когда меня везли в операционную – я подружилась с девушками из своего отделения и знала, что они переживают за меня. Я пыталась их поддержать. Из операционной я вернулась вся в крови. Врачам пришлось вставить трубку мне в горло и удалить всю слизистую – боль была чудовищной.

Операцию мне сделали 10 декабря, а из больницы я вышла за несколько дней до Рождества. Жизнь мне спасли, но глотать без боли я смогла лишь через полгода. Мое горло так никогда и не восстановилось полностью. Я до сих пор не могу находиться в помещении, где пахнет карри или чесноком – у меня тут же начинается отек горла.

После операции доктор сказал мне, что есть две вещи, которых я теперь лишилась навсегда: я никогда не смогу ни петь, ни плакать.

Хотя в результате операции им удалось расширить просвет, но горло так никогда и не приобрело нормальных размеров. Если я попытаюсь запеть или заплакать, оно сожмется, и слизистая снова будет повреждена. Мне пришлось бросить хор. И я до сих пор не могу проявлять эмоции – ни хорошие, ни плохие. Когда мне хочется плакать, мне нужно отвлечься, иначе горло мое сожмется, и будет очень плохо. Мне сказали, что можно попробовать сделать повторную операцию, но я поклялась, что ни за что не подвергну себя подобному испытанию.

Мне также сказали, что жить мне осталось года два. Еще один срок. Думаю, эти слова сделали меня сильнее. Я преисполнилась твердой решимости прожить это время так, чтобы не жалеть ни об одном дне.

Глава 4

Мне повезло во второй раз

В январе 1971 года я смогла снова выйти на работу. После операции прошел всего месяц. Я была очень худой и страшной, но твердо решила вернуться к нормальной жизни.

Доктор не соглашался выписывать меня – он говорил, что я еще слишком слаба. На службе сказали, что не смогут заплатить мне, поскольку я не работала, но готовы взять меня обратно. Я рассталась со своим бойфрендом, но сохранила дружеские отношения с Роуз. В феврале мы вместе отправились на корпоративную вечеринку в честь дня Святого Валентина. И там я познакомилась со своим первым мужем. Через пять месяцев мы поженились, а через пять лет у меня родился первый ребенок.

Мне всегда говорили, что у меня не может быть детей. Не потому, что дети могут унаследовать мою болезнь – к этому времени я уже знала, что это генетическое заболевание, и вероятность передать его ребенку очень-очень мала. ДБЭ – большая редкость, а моя разновидность – рецессивная – встречается еще реже: чтобы передать дефектный ген, им должны обладать оба родителя. Но врачи не знали, как мой организм справится с беременностью и родами, поэтому советовали даже не думать об этом.

К тому времени я давно поняла, что не должна слушать тех, кто что-то мне запрещает. Я хотела ребенка. Роуз была беременна. В те времена считалось, что женщина просто обязана иметь детей – это было частью нормальной жизни, а я хотела вести нормальную жизнь.

Первая беременность протекала с некоторыми осложнениями. На одиннадцатой неделе у меня началось кровотечение, и я испугалась, что потеряю ребенка, но мне объяснили, что плод просто не смог правильно прикрепиться к стенке матки. Пришлось три недели полежать, а дальше беременность протекала нормально. Родила я без осложнений. Предполагалось, что роды пройдут в Лондоне, где за мной смогут присмотреть специалисты, но ребенок решил родиться в Уэльсе, где мы жили в то время. Опасаясь осложнений, врачи не стали меня обезболивать. Чтобы справиться с болью, акушерка посоветовала мне делать дыхательные упражнения. Я представляла перед собой горящие свечи и с силой пыталась их задуть. Роды продолжались долго, пятнадцать часов. И вот на свет появился мой здоровенький мальчик, Роберт. Мне казалось, что я взорвусь от восторга – таким красивым он был.

Когда Роберту исполнилось три года, мы с мужем задумались о втором ребенке. Поскольку в первый раз все прошло хорошо, я была уверена, что справлюсь и со второй беременностью и родами. Но на этот раз все было труднее. Я была на пятом месяце беременности. Утром, собирая Роберта в детский сад, почувствовала страшную боль. Я позвонила подруге, и она вызвала «Скорую помощь». В больнице врачи сказали, что у меня могут начаться преждевременные роды и, чтобы избежать этой опасности, следующие четыре месяца я должна провести в постели под наблюдением специалистов.

Мысль о такой долгой разлуке с Робертом была невыносима, и я сказала, что поеду домой, но врач объяснил мне, что дети в этом возрасте быстро забывают о разлуке с родителями.

– Спросите его, когда он станет старше, сколько времени вас не было, и он ответит: «Один день!»

И действительно, когда мы спросили его об этом, он именно так и сказал. Но я так по нему скучала... Время тянулось страшно медленно. Женщины в палате менялись: одни выписывались, и на их место приходили новые. Одна из них сказала, что назовет свою дочку в мою честь, чтобы она была такой же терпеливой, как и я. Сама я не считала себя особенно терпеливой – мне просто нужно было сохранить своего ребенка.

Мне говорили, что осложнения во время беременности – это способ природы избавиться от неполноценного ребенка. От этой мысли у меня начались кошмары, связанные с родами. Мне снилось, что мой ребенок родится с той же болезнью, что и я.

Когда же моя дочь Рианнон появилась на свет, врачи сразу же забрали и унесли ее в другой конец комнаты. Все отвернулись и молчали. Я подумала, что у нее ДБЭ.

Мысль об этом была невыносима. Мне казалось, что я умираю.

К счастью, с Рианнон оказалось все в порядке. Она была чудесной, совершенно поразительной девочкой. Я родила двух здоровых детей. Невероятное счастье!

Мне было ужасно тяжело делать то, чем другие матери занимаются легко, не задумываясь. Трудно было застегивать пуговицы или играть с детьми. Им пришлось понять, что карабкаться на меня нельзя, нельзя сидеть на моих коленях, прыгать на меня или дергать за руку.

Однажды, когда Роберт был еще совсем маленьким, какая-то женщина в поликлинике вырвала его у меня с криком:

– Как вы могли?! Как вы могли?!

Оказалось, что она увидела на ребенке кровь и подумала, что я избиваю собственного сына. Мне нелегко было убедить ее в том, что это не его кровь. Поняв все, женщина страшно смутилась, а я в очередной раз подумала, насколько осторожной мне нужно быть.

Я твердо решила, что Роберт и Рианнон не будут лишены никаких радостей детства из-за того, что у них такая мать. Думаю, у них было счастливое детство. У нас жили собаки и пони. На свадьбу тетя Гвен подарила мне золотистого ретривера, Топпера. Мы с мужем часто брали бездомных собак и устраивали их судьбу. Наши дети скакали верхом и обожали резвиться на улице. Они были сильными и способными. Они могли делать все, о чем когда-то мечтала я. Когда я наблюдала за ними, с моего лица не сходила счастливая улыбка. В них я видела себя с нормальной кожей. Я страшно гордилась своими детьми.

С первым мужем я развелась в 1990 году. После развода мне пришлось нелегко – у меня на руках остались двое детей четырнадцати и десяти лет, а средств совсем не было. Было очень тяжело. Я справилась со всем только благодаря помощи верных друзей. Я перестала ездить верхом на своем коне Кестреле, и, пока я собиралась с силами, за ним присматривала моя подруга Мэвис. Она была очень добра ко мне. Однажды она подъехала к воротам моего дома на своей лошади Бренди. Кестрела она вела в поводу. Мэвис позвонила в дверь, я вышла и увидела ее с двумя лошадьми.

– Ты должна поехать на Кестреле. Он скучает без тебя. Выходи, прокатимся вместе.

И я послушалась. Мэвис знала, как я люблю верховую езду. Прогулки верхом помогали мне полностью расслабиться, возвращали душевное равновесие и способность спокойно мыслить.

Однажды моя медсестра спросила меня, о чем я мечтаю. Я представила себе маленький домик, на веранде лежит пес. В этом доме мы живем вместе с детьми и разводим собак. Я по-прежнему обожала этих животных. В то время у нас жил золотистый ретривер, Хайди. Это была очаровательнейшая собака, и все ее необыкновенно любили.

– Вот к этому и стремитесь, – сказала медсестра. – Представьте свою цель и стремитесь к ней.

Я решила, что не буду снова выходить замуж – мне нужны только мои дети, дом и собаки. К счастью, жизнь не всегда идет по плану. Иногда у нее в запасе есть для вас маленькие подарочки.

Как-то раз мы сидели дома с детьми, и тут позвонила моя подруга Джуди. Я сказала ей, что мне не помешало бы общество взрослых. Выйдя замуж, я бросила работу, и, хотя всегда хотела вернуться, это было мне не по силам. Но постоянно сидеть дома было слишком тяжело. Джуди рассказала мне о группе одиноких людей, куда ходила сама, и предложила пойти вместе с ней.

– Нет, нет, забудь об этом, – отмахнулась я. – Я никогда больше не выйду замуж.

– Это совсем другое, – сказала Джуди. – Это просто общение, ничего романтического. Это христианская группа – мы собираемся вместе, посещаем разные церкви, ходим в театры и все такое... Это просто для общения.

Похоже, такая группа мне подходит.

Группа собралась в Рождество в красивом ресторане с зимним садом. На улице шел снег. В окно был виден старомодный фонарь. Снег падал медленно, большими хлопьями. Я сразу подумала про Нарнию. Выбраться из дома и встретиться с новыми людьми оказалось очень приятно. Я была рада, что пришла. Особенно общительным оказался один мужчина, Питер.

Я стала регулярно встречаться с членами группы. Мы с Питером и Стивеном по очереди возили друг друга на наши мероприятия. Мы посещали церкви, где было очень мало прихожан, поддерживали их и пытались расширить их приходы.

Однажды мы приехали в город Лавенхэм в Саффолке. И решили прогуляться по полям перед вечерней службой. Быстро идти я не могла, поэтому всегда отставала от всех. Проходя мимо пруда, я остановилась посмотреть на утят. Я подумала, что все уже ушли вперед, и решила, что встречу с ними уже в церкви.

– Какие же вы хорошенькие! – сказала я утятам.

– Они милые, правда? – раздался голос позади.

Я повернулась. За мной стоял Питер. Он ждал меня.

Вместе мы вошли в церковь, где должна была начаться вечерняя служба. Внутри было очень холодно. Я села на скамью и принялась рассматривать великолепный витраж с изображением белого коня, вставшего на дыбы.

– Мне нравится.

– Когда церковь закроют, я достану его для вас, – пошутил Питер, и я улыбнулась.

Тут он заметил, что я замерзла, снял пиджак и набросил мне на плечи. Я была очень тронута и смущена.

В следующий раз Питер предложил мне прогуляться вдвоем, и я согласилась. Мне нравился этот мужчина – он был очень милым и приветливым. Мы подружились. Я пригласила его на день рождения Роберта, чтобы познакомить с детьми. Когда я открывала ему дверь, в доме раздался страшный грохот. Оказалось, что мальчишки разбили окно футбольным мячом. Весь пол был засыпан стеклом, а Роберт стоял весь бледный и не мог сказать ни слова.

– Где у вас веник и ведро? – спросил Питер. – Не волнуйся, Роберт. Уверен, что у мамы все застраховано.

Роберт ушам своим не верил. Питер был так добр и спокоен – таким он и остался на всю нашу совместную жизнь.

С Рианнон он тоже быстро поладил. Когда заболел ее хомяк, Питер вместе с ней ухаживал за ним. К сожалению, зверек умер, и Питер помог похоронить его в нашем саду. Мы спели гимн и помолились за хомяка. Терять домашнего любимца тяжело в любом возрасте. Рианнон очень переживала, а мы утешали ее. К этому времени я уже поняла, как добр Питер и как хорошо он ладит с детьми. В тот же день Рианнон спросила Питера, не согласится ли он стать ее приходящим отцом.

Однажды Питер предложил нам съездить в Лавенхэм. Накануне мы катались верхом с Мэвис, и я ей все рассказала о предстоящей поездке.

– Он собирается сделать тебе предложение, так и знай!

– Не говори глупостей?

– А тогда зачем он зовет тебя в Лавенхэм?

– Потому что хочет поехать в Лавенхэм! И все!

Конечно, я не поверила предсказанию Мэвис. Но когда мы приехали, Питер повел меня той же дорогой, что и в первый раз, когда мы были здесь вместе с нашей группой. Он остановился у пруда, где мы любовались утками, и действительно предложил мне стать его женой. От неожиданности я начала хохотать, Мэвис оказалась права.

– Что смешного? – удивился он.

Я перестала смеяться.

– Прости, – сказала я. – Мне хотелось бы выйти за тебя замуж, но я решила никогда, никогда больше этого не делать.

– Я знаю, – кивнул он. – Но я знаю и то, что мы будем счастливы вместе.

Я смотрела на него и думала: «Ты – самый лучший мужчина в мире!»

Я понимала, что люблю его.

Позже Питер признался мне, что в первый же день нашего знакомства в ресторане понял, что я – именно та женщина, на какой он всегда хотел жениться.

Мы решили выждать несколько дней, прежде чем сказать детям. Нужен был подходящий момент. Но когда Питер приехал к нам в следующий раз и мы вместе с Рианнон молились перед сном, она открыла глаза и спросила его:

– А ты станешь моим настоящим папой?

Мы с Питером переглянулись и улыбнулись.

Следующий день был шумным и веселым. Меня выгнали из кухни и столовой, и Питер по секрету сообщил детям, что мы решили пожениться. А когда мы с Питером вернулись вечером с прогулки, ребяташки сказали, что испекли для нас торт в честь помолвки.

Дети были в восторге, но главную проблему представляла Хайди, моя собака. У Питера никогда не было собак. Перед его первым приездом я очень боялась, что Хайди ему не понравится, или он ей не приглянется. Но Хайди тут же влюбилась в Питера, и теперь уже не я, а он был ее лучшим другом. Хайди его обожала и всегда встречала с радостью.

– Хайди, как тебе не стыдно! – твердила я. – Ты же *моя* собака!

– *Прости, но теперь я люблю Питера*, – отвечала мне Хайди, облизывая лицо Питера.

– Ах ты, маленькая предательница!

Мы поженились в том же 1991 году и сегодня счастливы так же, как и в день нашего первого знакомства. Питер – добрый, мягкий человек, мне с ним всегда весело, а он поддерживает меня в трудные моменты и вселяет в меня уверенность в своих силах. Он неустанно старается сделать нашу жизнь лучше. Сильный, словно ветер под моими крыльями, он всегда помогает, не унижая своей помощью. Он слишком хорошо меня знает, чтобы говорить, что я не смогу сделать того, к чему стремлюсь всей душой.

Со временем мое состояние стало медленно ухудшаться. После операции 1970 года мне пришлось быть очень осторожной с пищей. Мне можно было только мягкую еду, но я все равно пыталась есть то, что мне запрещали. В 1993 году я подавилась кусочком сыра. Горло мое вновь пострадало, и врачи сказали, что я не должна есть в одиночестве – в любой момент я могу подавиться, и у меня может развиваться пневмония. Питеру пришлось бросить работу, чтобы ухаживать за мной.

Примерно в то же время я обнаружила у себя аллергию на масличный рапс – язвы во рту и горле появлялись от одного только запаха. Из-за этого нам несколько раз пришлось переезжать. Стоило нам где-то поселиться, как кто-то начинал возделывать эту культуру, и

нам снова приходилось сниматься с места. Я пыталась носить маску, но это не помогало. Горло постоянно болело, и теперь я могла есть только очень мягкую пищу.

Врачи посоветовали нам держаться подальше от рапсовых полей. Может быть, стоит поселиться на побережье? И в 1998 году мы переехали в Саффолк, в городок Олдебург. Мы взяли с собой Хайди, а моего коня Макса пришлось оставить Рианнон. Она уже выросла и ездила на нем чаще, чем я. Но потом Рианнон нашла новую работу и не могла каждый день присматривать за лошадей. Мы решили временно сдать его в аренду. У Макса был артрит задней ноги, и он не мог подниматься по склонам. Поэтому мы объяснили новым хозяевам, что он может скакать только по ровной поверхности.

Вскоре после нашего переезда эти люди позвонили мне и сказали, что с Максом случилось несчастье. Его оставили на поле, окруженном канавой, он забрался в нее и застрял. Когда его достали пожарные, он весь дрожал и не мог стоять. Ветеринару пришлось его пристрелить. Я была в ужасе.

А через две недели от рака умерла Хайди. Мы с Питером были буквально раздавлены. Следующие полгода дались нам нелегко. От всех этих переживаний я плохо себя чувствовала, не выходила на улицу и почти ни с кем не разговаривала. Все больше уходя в себя и окончательно потеряв уверенность, я страшно нервничала и, в конце концов, у меня произошел нервный срыв. Я поняла, какую огромную роль в моей жизни играют животные.

И вот тогда в нашем доме раздался звонок, которому было суждено изменить мою жизнь.

– Вы не могли бы приютить двух четырехлетних золотистых ретриверов?

Глава 5

Монти и Пенни

Однажды нам позвонил наш друг, живший по соседству.

– Я нашел двух бездомных ретриверов, которым нужен дом. Но их необходимо забрать прямо сейчас.

Он знал, как мы страдаем после смерти Хайди и как любим золотистых ретриверов. После Хайди мы не могли представить себе, что у нас появится другая собака, и решили никого не заводить. Но со временем нам стало ясно, что без собаки не обойтись.

В новом городе у нас не было знакомых. Я просто не умела общаться с людьми без собаки.

Мы как раз начали подумывать над тем, что нужно завести нового питомца. И друг позвонил как раз вовремя.

– Я могу взять одного, но не двух, – ответила я. – С двумя собаками нам не справиться. По крайней мере, сейчас.

– Ты не понимаешь, Венди, – ответил наш друг. – Они должны жить вместе. Их нельзя разделять. Ты все поймешь, как только их увидишь.

– Ну хорошо, – уступила я. – Мы поедем и посмотрим. Но я не обещаю, что мы их возьмем.

Я положила трубку и стала гадать, что скажет Питер, узнав, что я собираюсь завести сразу двух собак. Кроме того, наш друг сказал, что собаки совершенно не дрессированные.

– Поедем посмотрим, – предложил Питер. – Они же могут оказаться гораздо спокойнее, чем ты думаешь!

Нам достаточно было просто взглянуть на них. Мы поставили машину на парковке за рестораном и увидели небольшой загон, где сидели две собаки: небольшая серовато-коричневая сука и более темный кобель. Шерсть у них была грязной и совершенно не блестела. На лапе кобеля я увидела кровоточащую рану. Пол загона был страшно загажен, над ним вились мухи. Обе собаки были толстыми, словно большие пудинги на ножках.

– Начнем с того, что это не золотистые ретриверы, – с сомнением сказала я.

Я прекрасно помнила великолепных собак тети Гвен и их блестящую, золотистую шерсть. Собаки из загона не имели с ними ничего общего.

– А кто же они? – удивился Питер.

– Не знаю, – пожала плечами я. – У них такая грязная шерсть, что породу определить невозможно.

Мы вывели собак на прогулку, чтобы понять, сможем ли мы с ними справиться. Собаки были так счастливы выбраться из загона, что встретили нас как давно потерянных друзей. Как только мы вывели их из вольера, они тут же потащили нас вперед по дороге. Стало ясно, что этих собак ничему не учили – что бы мы ни говорили, они не обращали на наши команды никакого внимания. В вольере был высохший кожаный поводок, но собаки явно не были с ним знакомы. Кроме того, в них оказалось столько энергии, что Питер с трудом их удерживал.

Когда мы подошли обратно к вольеру, собаки никак не хотели в него возвращаться. Я поняла, что уже слишком поздно: оставить их здесь было бы чересчур жестоко. Повернувшись к Питеру, я сказала:

– Мы забираем обоих. Мы просто должны.

– Знаю, – кивнул он.

Хозяева были счастливы избавиться от собак. Они даже не спросили, куда мы их забираем. Мы повели собак к машине. Стоило нам открыть дверцу, как обе сразу же запрыгнули внутрь. Тут я вспомнила, что взяла с собой фотоальбом со снимками нашего дома, чтобы хозяева увидели, где будут жить их собаки. Я попыталась вывести наших новых питомцев из машины, чтобы вернуться и показать фотографии, но они категорически отказались выходить.

– Не самый лучший признак, верно? – сказала я Питеру, когда мы тронулись в путь.

Собаки ни разу не оглянулись на свой бывший дом.

По дороге мы заехали к ветеринару. Он сказал нам, что собакам нужно худеть. Кобель был настолько толстым, что сердце у него могло отказать в любой момент. Собакам несколько месяцев пришлось сидеть на диете. Они постоянно грызли ограду вольера, пытаясь выбраться, и от этого у них испортились зубы. У суки был большой черный шрам на шее – позже мы узнали, что хозяева привязывали ее во время течки, чтобы она не убегала. Шерсть под проволочным ошейником полностью исчезла. Ветеринар сказал, что больше она не отрастет.

В ответ на нашу просьбу чипировать собак доктор рассмеялся:

– Не думаю, что кто-нибудь захочет украсть эту парочку!

Домой мы возвращались со смешанными чувствами. Животных мы уже успели полюбить, но я все же тревожилась. Что мы будем делать с двумя недрессированными собаками, которым нужна диета? А тут еще моя особая кожа... Они, конечно, не были золотистыми ретриверами, но смотрели на нас с такой надеждой и любовью, что устоять было невозможно. Я уже влюбилась в них по уши.

Вернувшись домой, мы устроили собак в кухне. Когда с них сняли ошейники, они осмотрели комнату, потом посмотрели друг на друга и потом медленно завили хвостами. Я прямо слышала, как они говорят друг другу: *«Мы сделали это – у нас есть дом!»* Мне хотелось плакать. Хозяев они выбрали уже во время нашей первой прогулки: Пенни жались к Питеру, а Монти держался ближе ко мне.

Мы вывели их во двор, чтобы они познакомились с нашей соседкой – пожилая дама очень любила собак.

– О Господи! – воскликнула она, увидев, в каком они состоянии.

И все же Пенни ее очаровала – она сразу назвала ее «маленькой коричневой собачкой».

– Что же вы собираетесь делать с ними? – спросила она.

– Ну для начала нужно привести их в порядок, – ответила я.

Сами мы никогда не справились бы с их чудовищной шерстью. И на следующий день в половине девятого мы повезли собак в специальный салон. Я не знала, что выйдет из этой затеи, и поэтому страшно нервничала. Дома я чуть не свела Питера с ума, постоянно спрашивая, который час. Наконец, в половине четвертого, через семь часов после того, как мы оставили их в салоне, нам позвонили и сказали, что собак можно забрать.

Мы приехали в салон, но не увидели ни Монти, ни Пенни. Перед дверью салона сидели и смотрели на нас два роскошных золотистых ретривера. Один был почти белым, другой – палево-золотистым. Они были так прекрасны, как могут быть только золотистые ретриверы. Не веря своим глазам, я просто стояла и смотрела на них.

Хозяйка салона была внутри, поэтому я крикнула с улицы:

– Это мы! Мы приехали за Монти и Пенни!

– Собаки там, – откликнулась хозяйка. – Я оставила их там минуту назад.

– Нет, их тут нет, – ответила я. – Тут только два золотистых ретривера. И хозяин наверняка не будет в восторге, если я их заберу!

Хозяйка вышла к нам с широкой улыбкой:

– Это ваши собаки!

– Хотела бы я, чтобы это было так!

– Это те самые собаки, которых вы привезли в половине девятого! Если бы они не вели себя так послушно, нам пришлось бы сбрить всю их шерсть – настолько она была спутанной и грязной. Мы мыли их пять раз, но сумели отмыть и расчесать. Вот они какие!

У меня пропал дар речи. Собак невозможно было узнать. Это походило на волшебство!

Мы привезли двух собак неизвестной породы – коричневую и серую, а перед нами стояли самые очаровательные и милые золотистые ретриверы, каких только можно себе представить. Собаки видели, как мы поражены – я буквально чувствовала, что они смеются над нами.

По дороге домой мы встретили нашу соседку.

– Какая жалость! – воскликнула она. – Что случилось с вашей маленькой коричневой собачкой?

– Это она! – сказала я, указывая на белоснежную Пенни.

– Это же не та собака, которую вы показывали мне вчера вечером! Где та маленькая коричневая собачка? Та, которую вы спасли?

Соседка никак не могла поверить, что перед ней те же собаки. И с того дня она при каждой встрече спрашивала, что случилось с нашей маленькой коричневой собачкой.

Глава 6

Идеальные щенки

На следующий день началось веселье. Мы надели Монти и Пенни ошейники и собрались к матери Питера – она жила рядом. Но очень скоро стало ясно, что это нам не удастся. Собаки оказались очень упрямыми и совершенно не собирались идти с нами. Они были такими толстыми, что бежать не могли, но все же шли довольно быстро. Стоило нам выйти из дома, как они тут же потянули нас в разные стороны. Мы с Питером семенили за ними. Собаки тянули так сильно, что даже Питеру пришлось прибавить шаг. Команд «стоять» или «к ноге» они не понимали и делали только то, что хотели.

– Все ясно, – вздохнула я. – Их нужно дрессировать.

Мы отправились к местному кинологу. На первом же занятии собаки бросились прямо в зал, где проходили занятия. Другим хозяевам пришлось посторониться. Наша парочка опрокидывала оборудование, осматривая помещение, натывалась на людей и категорически отказывалась делать то, что им говорят.

Заводилой, конечно же, была Пенни. Она всегда хотела одновременно заниматься сотней разных дел: *«Эй, Монти, пойдём поздороваемся с той собакой! А что это здесь? Пошли быстрее, посмотрим на вон ту собаку!»* Мы уже поняли, что Монти гораздо спокойнее. Он следовал за подругой, но явно думал: *«Пенни, ты уверена? Разве нам не нужно делать то, что нам говорят?»*

Инструктор оказался бывшим военным, сторонником старых методов дрессировки, когда собаку таскают за собой, чтобы показать, как нужно себя вести.

– Скажите, чтобы она села! – сказал он мне, надавливая на спину Пенни рукой.

Пенни даже ухом не повела. Примерно через полчаса нас попросили уйти, потому что наши собаки мешают всем остальным. Я попыталась объяснить, что мы только что их взяли, и они прожили у нас всего несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.